

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-2-289-300

EDN: LHIVBO

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**Мнимый Сириус «Смешного человека»:
возможность множественности миров
у позднего Ф.М. Достоевского**

М.В. Ганин

*Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары,
Российская Федерация*
✉ isaaa@ya.ru

Аннотация. Рассматривается бытование идеи существования множества миров, развертывающейся в творческой вселенной Ф.М. Достоевского. Актуальность исследования определяется интерпретационной сложностью рассказа «Сон смешного человека»: недостаточной изученностью онтологических оснований его фантастического сюжета. Цель – выявить в тексте механизмы репрезентации возможности многомирия и мотива «появления звезды» (мнимого Сириуса) как маркера перехода между мирами и экзистенциально-го выбора героя. Впервые предпринимается попытка истолковать космологическую утопию через призму неевклидовых метрик и обнаружить связь между образом звезды в рассказе и репрезентантом Сириуса в «воображаемой геометрии» Н.И. Лобачевского. Выявляются пути развертывания экзистенциально заостренной проблемы нивелирования («обнуления») греха, конфигурированной обстоятельствами «путешествия на другую планету»; прослеживаются текстуальные переключки, связывающие рассказ с корпусом произведений западноевропейского Просвещения (Вольтер, Фламмарин), а также с трудами самого Достоевского 1870–1880-х гг. Устанавливается, что гипотеза о возможности проявления «миров иных» и искупления греха увязывается писателем с теориями геометрической бесконечности, тепловой смерти Вселенной, спекулятивными моделями построения реальности (неевклидовы аксиоматики), а также логикой развития «нравственного чувства», определяемого утверждением вероятности посмертного существования.

© Ганин М.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: многомирие, космологическая утопия, искупление, экзистенциальный выбор, неевклидова метрика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 ноября 2025 г.; отрецензирована 5 января 2026 г.; принята к публикации 21 февраля 2026 г.

Для цитирования: Ганин М.В. Мнимый Сириус «Смешного человека»: возможность множественности миров у позднего Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 2. С. 289–300. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-2-289-300> EDN: LHIVBO

The Imaginary Sirius of a Ridiculous Man: The Possibility of Multiple Worlds in the Later Works of Fyodor Dostoevsky

Maksim V. Ganin

Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, Cheboksary, Russian Federation

✉ isaaa@ya.ru

Abstract. This article explores the circulation of the idea of multiple worlds as it unfolds within the creative universe of F.M. Dostoevsky. The relevance of the study lies in the interpretive complexity of *The Dream of a Ridiculous Man*, particularly in the insufficiently examined ontological foundations of its fantastic narrative. The piece aims to identify the mechanisms through which the possibility of a multiverse is articulated, as well as to analyze the motif of the “appearance of a star” (the imaginary Sirius) as a marker of interworld transition and as an indicator of the protagonist’s existential choice within the text. For the first time, an attempt is made to interpret the story’s cosmological utopia through the lens of non-Euclidean metrics and to reveal a connection between the image of the star in the narrative and the representation of Sirius in the “imaginary geometry” of Nikolai Lobachevsky. The study investigates how an existentially intensified problem, the leveling, or “nullification”, of sin, is articulated through the narrative framework of a “journey to another planet”. Textual parallels can be traced that connect the story with the corpus of Western European Enlightenment works (Voltaire, Flammarión), as well as with Dostoevsky’s own writings from the 1870s–1880s. The article demonstrates that the author’s hypothesis concerning the possibility of the manifestation of “other worlds” and the redemption of sin is conceptually aligned with contemporary theories of geometric infinity, the idea of the heat death of the universe, speculative models of reality construction (including non-Euclidean axiomatics), and the internal logic governing the formation of “moral feeling”, understood as being determined by the affirmation of the probability of a posthumous existence.

Keywords: multiple worlds, multiverse, cosmological utopia, redemption, existential choice, non-Euclidean metrics.

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted November 10, 2025; revised January 5, 2026; accepted February 21, 2026.

For citation: Ganin, M.V. (2026). The Imaginary Sirius of a Ridiculous Man: The Possibility of Multiple Worlds in the Later Works of Fyodor Dostoevsky. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(2), 289–300. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-2-289-300> EDN: LHIVBO

Введение

Доминантный мотив творческой и мыслительной деятельности Ф.М. Достоевского – стремление к обнаружению глубинных тайн мироздания, поиску ответов на «проклятые вопросы» о возможности достижения «мировой гармонии» на земле, о значимости антропологического измерения при конструировании социально-политических проектов. В этом контексте, несмотря на неослабевающий интерес исследователей к метафизическим граням мира автора «Дневника писателя» и наличие соответствующих изысканий (Баршт 2024; Касаткина 2019), «фантастический рассказ» «Сон смешного человека» (1877) по-прежнему считается одним из самых проблематичных для интерпретации и дискуссионных в плане оценок предлагаемых нарратором – Смешным человеком¹ – финальных решений.

Предметом изысканий стала реализация концептуального построения «множественность миров» (см. Баршт, 2018, с. 138) в произведениях Ф.М. Достоевского, написанных в 1870–1880-х гг. XIX в., и проявленность этой идеи в точке экзистенциального выбора героя-рассказчика. Репрезентации концепции множественности миров зачастую связываются с «эвдемоническими» (по характеристике К.Н. Леонтьева), хилиастическими (соответственно, эсхатологическими) аспектами мировоззрения писателя. В настоящей работе укажем на экзистенциальную, религиозно-этическую, физико-геометрическую стороны философии «многомирия» Достоевского. Художественное отражение развертывания онтологического маршрута Смешного к иным, потенциально существующим мирам, выявляется в свете религиозно-философских представлений и физико-геометрических моделей, легитимированных поздним Ф.М. Достоевским. Движение же по космической траектории к идиллии, утопическому благоденствию и инопланетной «Истине» («...я видел истину, – не то что изобрел умом, а видел, видел, и *живой образ* ее наполнил душу мою навеки...»)² (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 118)), происходит под светом

¹ Смешной человек» – это и самоидентификация героя рассказа («Я смешной человек... Я всегда был смешон...») (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 104)), и своеобразная кристаллизация типа героя (ср. самоопределение главного персонажа «Записок из подполья»: «Я человек больной... Я злой человек...») (Достоевский, 1972–1990, т. 5 с. 99)), и в какой-то мере самопозиционирование автора «Дневника писателя» (Ермошин, 2009), на страницах которого был опубликован интересующий нас текст. Таким образом, под эту номинацию попадают собственно центральный персонаж, от лица которого ведется повествование, и сам создатель текста – шире всего проекта «Дневник писателя». Здесь не место для анализа состоятельности такого обобщения и уместности выделения отдельного типа «смешного человека». Примем эту формулу («Смешной») инструментально для оперирования оптикой героя в его «онтологическом» путешествии к иным мирам.

² Здесь и в других цитатах, кроме оговоренных случаев, курсив автора – М.Г.

некой «звезды» (мнимого Сириуса), которая становится своеобразным маркером перехода между мирами и пуантом экзистенциального решения героя, проблематизирующего вопрос возможности «обнуления», нейтрализации греха либо его искупления. Мотивные и образные нити, тянущиеся от стройной смысловой структуры этого небольшого, но философски сгущенного «травелога», закономерно проступают в концептуальной ткани ряда крупных произведений Ф.М. Достоевского – классических романов, написанных 1870-х: «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

«Множественность миров» как философско-утопический концепт

Допущение возможности существования множества миров появляется еще в «досократический» период античной философии, в частности в представлениях Левкиппа и Демокрита (Визгин, 2007). Затем спекулятивные положения о «многомирии» обнаруживаются в околофилософских текстах раннего Средневековья (в частности, у греческого теолога и основателя библейской филологии Оригена) и эпохи Возрождения (у Н. Кузанского, Д. Бруно и др.). В период Нового времени эти идеи подхватил и развил французский астроном Б. де Фонтенель, в контексте же развития просветительской этики и новых открытий в космологии «века разума» важными представляются околонуточные изыскания К. Фламариона (Визгин, 2007). Мыслительные конструкты некоторых из названных авторов были знакомы и небезынтересны Достоевскому: в одном из источников космологических штудий и представлений Достоевского о «золотом веке» – программной статье философа и критика Н.Н. Страхова «Жители планеты» (2007, с. 208–269) – предлагается спектр мнений различных ученых-естествоиспытателей и мыслителей (П.-С. Лапласа, О. Конта, Г. Гейне, И. Канта, Х. Гюйгенса и др.) о вероятности существования космического «многомирия», обоснованности и легитимности такого рода планетарных построений. Тем не менее в научной литературе сформировалось представление о рассказе как о некоей рецепции идей французских социалистов-утопистов: Ш. Фурье, А. Сен-Симона их последователей В. Консидерана и Б. Анфантена, упоминается социально-фантастический роман Э. Кабе «Путешествие в Икарию», фиксировалась связь с утопическим трактатом «Город солнца» итальянского богослова Т. Кампанеллы (Комарович, 1924; Хмелевская, 1963).

По мнению К. Баршта, в своем тексте Достоевский «переворачивает» сюжет философской повести Вольтера «Микромегас»: «Если вольтеровский герой прилетает из гармоничного <...> общества на погрязшую в пороках Землю, то Смешной улетает с невыносимой для него Земли на планету, где воочию видит подлинный „Золотой век“ <...> Смешного, помимо его воли, силы Мирового Духа заставляют разувериться <...> в том, что „на свете везде *все равно*“ <...>» (Баршт, 2024, с. 95).

Мнимый Сириус: «ошибка» Смешного человека

Однако вернемся к сюжету рассказа. Итак, герой, замысливший совершить самоубийство, возвращаясь домой, видит некую звезду: «Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку <...> эта *звездочка* дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя <...> А почему *звездочка* дала мысль – не знаю» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 105–106). Затем этот стихийный «звездочет» совершает свой главный грех: отгоняет от себя вызывавшего о помощи ребенка. Собственно, все последующее повествование и есть завуалированное развертывание ответа на вопрос, почему появление именно «этой звездочки» стало переломным моментом и почему именно она «дала мысль». Во время путешествия по бескрайним космическим пространствам герой – уже межзвездный странник! – опять видит ту же звезду: «Я помню, что вдруг увидел в темноте одну *звездочку*» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 110). «Самоубийца», не выдержав напряжения, вопрошает своего таинственного спутника: «Это *Сириус*?». На что получает в некотором роде двусмысленный ответ: «Нет, это *та самая звезда*, которую ты видел между облаками, возвращаясь домой» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 110). Как показано, принципиальная интенция героя-повествователя – желание атрибутировать увиденную звезду, назвать ее, а значит, и определить «существо» этого небесного тела. Но атрибуцию производит несущий Смешного «властитель», будто бы опровергая предложенную первым астрономинацию («Сириус»): та «звезда», что дала сигнал (спровоцировала суицидное решение), и та «звезда», к которой совершается космическое путешествие, – суть одно и то же.

Ошибся ли Смешной в идентификации этого небесного тела? С одной стороны, он себя позиционирует в качестве «плохого зна<ток>а в астрономии» (впоследствии это самоопределение было исключено из окончательной версии рассказа (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 234)), а с другой – именно Сириус изначально связывается с той символической «звездой», «двойником» Солнца, излучающим свет благоденствия на планету-двойника Земли (по форме и расположению), в «галактической» локации которых уже не работают механизмы классической модели трехмерного измерения, но проявляются рассчитанные по «формулам» неевклидовой геометрии пространственно-временные парадоксы («золотой век» – да еще на новообретенной планете! – в целом мыслится в известной степени как парадоксальный конструкт). В этом смысле перед путешественником предстает именно «Сириус» – небесное тело, маркирующее идиллию повернутого вспять времени («до грехопадения»), теоретически допустимого только в неевклидовой метрике.

Важно, что герой-рассказчик – «современный русский прогрессист» и «гнусный петербуржец» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 113) – сам дает характеристику своему поступку: «Я оскорбил ребенка» (это заявление читаем в подготовительных материалах к тексту (Достоевский, 1972–1990, т. 25,

с. 234)). Тем самым «плохой астроном» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 234) как бы подводит черту под своей жизнью, и возможное раскаяние, как ему представляется, не может и не должно его мучить.

Космологическая утопия: логика «разумного эгоизма» и проблема «обнуления» греха

Внимательно посмотрим на контуры «звезды». В энциклопедии Брокгауза и Ефрона можно прочесть такое определение «светила»:

Самая яркая звѣзда всего небесного свода, находится въ созвѣздіи Большого Пса (α Canis majoris); видна у насъ зимой на югѣ. Названіе произошло отъ греч. σείριος – знойный, сверкающій³.

В достоевистике стало общим местом указание на изыскания французского ученого, астронома, популяризатора науки К. Фламмариона как на один из главных источников знаний Достоевского о Сириусе (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 406–407). В частности, упоминается «трактат» французского ученого «История неба» (*Histoire du ciel*), увидевший свет 1872 г.⁴ Правда, в примечаниях к тексту рассказа в академическом собрании сочинений ошибочно указывается 1873 г. (Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 367) и 1875 г., когда этот текст впервые был опубликован на русском языке в переводе Б.М. Лобача-Жученко. Впрочем, писатель мог познакомиться с этим трудом еще до появления русского перевода (Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 367). Интересующая нас звезда на страницах книги К. Фламмариона характеризуется довольно подробно: «Сириус был замечен как самое блестящее светило на эфирном своде <...> самая яркая на Небе звезда <...> Египтяне, наблюдавшие по утрам, назвали Сириуса пламенным, потому что за его <...> появлением следовали <...> жара и зной» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 407).

Отметим, что некоторые отсылки к изысканиям французского популяризатора астрономии появляются еще в четвертом романе «великого Пятикнижия» (1875): «...когда Земля обратится <...> в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней <...> Вот ваше учение! <...> зачем я непременно должен быть благороден <...> если все продолжается одну минуту» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 49). Множественность миров здесь фиксируется уже в «ледяном», погибшем состоянии, а процитированные слова Аркадия (характерно имя героя: «Аркадия» – «золотой век» в пространственной развертке) становятся своеобразной рефлексией Достоевского на ставшую популярной в 1860-х и упоминаемую в работе Фламмариона теорию «тепловой смерти Вселенной», связанную с открытиями

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 томах. Т. 30. СПб. : Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1900. С. 75.

⁴ *Flammarion C.N. Histoire du ciel*. Paris : Edité par Bibliothèque d'éducation et de recreation, J. Hetzel, 1872. 467 p.

Р. Клаузиуса в области термодинамики: «*Солнце охлаждается. Унося Землю и планеты по ледяным пустыням пространства, оно медленно теряет свою теплоту и свой свет <...> Солнце делается красным, затем черным, и планетная система будет не что иное, как собрание черных шаров, вращающихся вокруг такого же черного шара*» (Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 367).

В контексте семантики имени «заглавного» персонажа романа его слова (травестирование перспективы наступления царства «разумной выгоды», идиллии в отдаленном будущем, да и в целом концепции «разумного эгоизма»), направленные, как представляется, против утопических конструктов Ш. Фурье, становятся своеобразным реализованным оксюмороном и одновременно утверждением «самостийного» счастья здесь и сейчас: «...если я нахожу все эти *разумности неразумными*, все эти *казармы, фаланги?* <...> я самым пренебрежительным образом буду жить для себя, а там хоть бы все *провалились!*» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 49)⁵. Таким образом, воззрения Аркадия как бы рифмуются с руководящими помыслами Смешного, которому «все все равно»: «*везде все равно <...> мне все равно* было бы, существовал ли бы мир или если б нигде ничего не было <...> Но мне стало *все равно*, и вопросы все удалились» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 105). Доведенная до предела логика «разумного эгоизма», в свою очередь, оборачивается необходимостью скорейшего решения вопроса о возможности дальнейшего существования.

Собственно, похожие дискурсивные стратегии развертывают и другие романские герои Достоевского: в «Бесах», опубликованных на пять лет раньше «фантастического рассказа», Ставрогин постулирует: «...если бы сделать <...> позор <...> *смешной*, так что запомнят люди на тысячу лет и плевать будут тысячу лет, и вдруг мысль: „Один удар в висок, и ничего не будет“. Какое дело тогда до людей...?» (Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 187). Однако через мыслительные практики своих героев Достоевский моделирует ситуацию «ответственности за поступки» в еще более экстремально-наглядном ракурсе: размыкая привязку к конкретному космическому телу, носители «этических изъяснов» переносят себя на другие планеты: «...если б я жил прежде на *луне* или на *Марсе* и сделал бы там какой-нибудь самый срамный и бесчестный поступок <...> и если б, очутившись потом на земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на *другой планете*, <...> знал бы, что уже туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря с *земли* на *луну*, – было бы мне все равно или нет? Ощущал ли бы я за тот поступок *стыд* или нет?» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 108). Подобный же лунный «маршрут» предлагается и центральным персонажем «Бесов»: «Положим, вы жили на *луне* <...> вы там, положим, сделали все эти *смешные пакости* <...> вы здесь и смотрите на *луну* отсюда: какое вам дело здесь до всего того, что вы там наделали и что тамошние будут плевать на вас тысячу лет...?» (Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 187), а в рукописных редакциях к роману нетрудно обнаружить, как Верховенский-старший

⁵ Ср. реплику «подпольного человека»: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» (Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 174).

отсылает себя также на «луну», пытаясь показать этическую пропасть (мнимую!), отделяющего его от поколения «детей»: «...Да, я почти как на луне <...> И признаюсь, на луне недурно» (Достоевский, 1972–1990, т. 12, с. 93).

При этом гипотеза Смешного о невозможности влияния поступков, совершенных в иных мирах, на актуальное самосознание инициатора, а следовательно, и бессмысленности искупления, и их восприятие «инопланетным» окружением оборачивается и другой – радикально-субъективистской – стороной: в своих умозаклчениях он доходит до гносеологического экстремума, солипсических суждений: «...ни для кого ничего не будет после меня, и весь мир, только лишь угаснет мое сознание, угаснет тотчас как призрак, как принадлежность лишь одного моего сознания, и упразднится, ибо, может быть, весь этот мир и все эти люди я-то сам один и есть...» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 108). Герой «через два часа» должен обратиться «в нуль абсолютный». Значит, как уже было сказано выше, раскаяние невозможно, его персональный грех будет нейтрализован и «обнулен»: ожидаемое обращение в ничто не может не повлиять ни на «чувство жалости к девочке», ни на «чувство стыда после сделанной подлости» (Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 108). Но отчего же Смешной пронзительно ощущает, что ему «не все равно», остро осознает эту парадоксальную жалость к девочке (до невероятного раздражения)? Это экзистенциально заостренное вопрошание разворачивается в оптике идеи множественности миров.

«Соприкосновение мирам иным»: неевклидова геометрия

В рукописных вариантах романа «Братья Карамазовы» старец Зосима, учававший о взаимовлиянии светил («...все океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается» (Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 290)) и «соприкосновении мирам иным» материализуется в начинающемся бреде Ивана в виде «созвездия или мира», которые суть (может быть!) «химические молекулы своего рода <...> где-нибудь на *Сириусе*...» (Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 324). Однако умозаклчения Ивана о «схождении» параллельных прямых, возможном в аксиоматике неевклидовых систем геометрии (по Ивану – «в бесконечности») и отвергаемом им в нашем «земном» трехмерном бытии («созданном лишь по евклидовой геометрии» (Достоевский 1972–1990, т. 14, с. 314)) как раз наоборот – глубоко рассудочны⁶, и будто демонстрируют попытку «бегства от безумия». Тем не менее у самого Достоевского в записной тетради (1880–1881) четко артикулируются представления о «несомненности» соприкосновения «миру другому»: «Параллелизм линий <...> В бесконечности же параллельные линии должны сойтись <...> Если б сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. Но в *бесконечности* они сходятся <...> Ибо если б не было *бесконечности*, не

⁶ О метафизических следствиях, которые выводимы из вероятности иной метрики «малосильным и маленьким, как атом, человеческим и евклидовским умом» см. (Баршт, 2018; Ганин, 2024).

было бы и конечности, немислима бы она была. А если есть *бесконечность*, то есть Бог и мир другой, на иных законах, чем *реальный (созданный) мир*» (Достоевский 1972–1990, т. 27, с. 43).

Исходный тезис Смешного о бессмысленности нравственных терзаний после совершения «срамного поступка» на Луне (этическая «равнозначность» планет как бы дополняется еще и двойственностью звезд: «совершенно такое же солнце, как и наше, повторение его и двойник его» (Достоевский 1972–1990, т. 25, с. 111)), невозможности его искупления теряется, а значит, в известной степени опровергается – в декорациях гармонии мироздания, достигаемой «восполнением земной радости», духовным единением «всех со всеми»: «У них не было храмов, но у них <...> единение с Целым вселенной <...> когда восполнится их *земная радость* <...> тогда наступит <...> для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной» (Достоевский 1972–1990, т. 25, с. 114)⁷. Впрочем, парадоксальность этой идиллии определяется «двойничеством» этой планеты: «немислимость» рая на Земле как бы компенсируется цветением «райских кущ» на просторах ее «двойника». Важно, что религиозное мирозерцание у обитателей «рая» и соответствующие институты появляются только после их «развращения». Можно предположить, что описанный в рассказе «эдем» в системе Достоевского представим только при нарушении «традиционных» параметров осуществления законов тривиальной действительности – в условной модели «сближения параллельных линий» (понимаемой как метафизическая «невозможность» и физико-геометрический парадокс), – а целостность Вселенной возможна только как допущение, «идеально-мыслимое» состояние («золотой век») до предстоящего интеллектуально-рационалистического грехопадения.

Развертывание такого рода неевклидовых «схождений» и собственно космофизических построений (в нашем случае они конституируют положение планеты-двойника во Вселенной) связывают в первую очередь с открытиями Н.И. Лобачевского (при всей спорности «приписывания» русскому математику такой метрики; см. (Кийко, 1985)). Соотносим ли «воображаемый» идиллический мир сновидений Смешного с миром пространственных деформаций геометрии Лобачевского? Напомним, что казанский ученый, разрабатывая аксиоматику «новой геометрии», в работе «О началах геометрии» (1829), а позднее (1835) в труде с «говорящим» названием «Воображаемая геометрия»⁸ дает оценку отклонению в меньшую сторону суммы углов треугольника от 180° (константы). В одном из опытов математик «вычерчивает» фигуру – воображаемый треугольник – через две точки земной орбиты и точку, фиксирующую статичное небесное тело, – звезду. Имя этой звезды – Сириус. На появление

⁷ Ср. мысль Зосимы о всеобщей сопричастности: «Всякий пред всеми за всех виноват» (Достоевский 1972–1990, т. 14, с. 270).

⁸ Лобачевский Н.И. Полное собрание сочинений по геометрии. Т. 1. Казань : Издание Императорского Казанского Университета, 1883. 561 с.

«неподвижной звезды» в работах геометра обратил внимание В. Губайловский, делая оговорку, что отклонения от евклидовой суммы (константы) в этом эксперименте оказались «меньше, чем погрешность измерения», но постулируя тезис Лобачевского о «глубоком различии между геометрией как логической структурой и геометрией как отражением физической реальности» (2007, с. 45). Таким образом, математик экспериментально запечатлел Сириус в своих рассуждениях о «воображаемой геометрии», которая важна для нас как легитимация возможности опровержения евклидовых аксиом: за границами трехмерного (евклидова!) пространства лишь и мыслимо обретение «рая» – «мировой гармонии», если не в физической, то в «воображаемой» метрике.

Знал ли автор рассказа об экспериментальных моделях казанского профессора? В достоевистике по данному поводу сложилось следующее представление: «Достоевский был знаком с основными принципами геометрии Н.И. Лобачевского, по-видимому, еще в Инженерном училище» (Достоевский 1972–1990, т. 15, с. 551). К. Баршт отвечает на этот вопрос еще более определенно, указывая на возможные источники проникновения такого рода идей: «...с концепцией [Лобачевского] Достоевский мог познакомиться по мемуарно-биографическим изданиям, вышедшим после смерти Лобачевского в 1856 г. <...> Возможно, он мог видеть работы Лобачевского и ранее, в студенческие годы...» (Баршт, 2018, с. 138).

Заключение

«Идеальный» мир, обрисованный в рассказе Ф.М. Достоевского в неевклидовой («воображаемой») метрике, выстраивается и разрушается в сознании Смешного, однако объективируется автором в потенциях нравственного преобразования его изначально нигилистического сознания. Анализ этого «спрессованного» текста через призму экзистенциально-антропологических парадоксов позволил осмыслить развертывание идеи множественности миров, увидеть ее как концептуальный инструмент для препарирования сущности греха (феномен его персонального «обнуления»), изучения возможности искупления и вероятности «мировой гармонии» (при всей проблематизации «разумно-эгоистических» форм утопии). При этом образ мнимого Сириуса очерчен не просто как космическое тело и астрономическая данность, но как элемент перехода между мирами и пуант экзистенциального выбора героя. Гипотеза о возможности существования множественности миров, а значит, и возможности искупления греха, увязывается писателем с концептами геометрической бесконечности (системами неевклидовых аксиоматик) и обусловленностью «нравственного чувства» логикой вероятности «послесмертного» существования. Таким образом, создатель «полифонического романа» предлагает модель спасения, в которой фиксация «со-переживания» и чувство онтологической связи с «мирами иными» становятся узловыми точками на пути к этическому возрождению.

Список литературы

- Баршут К.А. «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского: неевклидова геометрия и вопрос о преодолении зла // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 134–144. <https://doi.org/10.7868/S0042874418050102> EDN: XNFMNL
- Баршут К.А. Вольтеровское кресло. Об источнике и подтекстах рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7. № 1. С. 77–106. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2024-7-1-77-106>
- Визгин В.П. Идея множественности миров : очерки истории / отв. ред. В.И. Рожданский. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 336 с.
- Ганин М.В. Образ Ф.М. Достоевского в творчестве Велимира Хлебникова: «всеобщая гармония» и границы «эвклидова ума» // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2024. Т. 68. № 1–2. С. 73–83. <https://doi.org/10.1556/060.2023.00121>
- Губайловский В.А. Геометрия Достоевского. Тезисы к исследованию // Роман Ф.М. Достоевского Братья Карамазовы: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М. : Наука, 2007. С. 39–79.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990.
- Ермошин Ф.А. «Пусть не смеются над мной заранее...»: автор как «смешной человек» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. № 5. С. 136–141.
- Касаткина Т. «Сон смешного человека»: личность как рычаг преобразования мира // Достоевский и мировая культура. 2019. № 2(6). С. 16–44. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-2-16-44>
- Кийко Е.И. Восприятие Достоевским неевклидовой геометрии // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 6. Л. : Наука, 1985. С. 120–128.
- Комарович В.Л. «Мировая гармония» Достоевского // Атений : историко-литературный временник / под ред. Б.Л. Модзалевского, Ю.Г. Оксман, П.Н. Сакулина. Л. : Атений, 1924. Кн. 1-2. С. 112–142.
- Страхов Н.Н. Мир как целое. М. : Айрис-пресс ; Айрис-Дидактика, 2007. 576 с.
- Хмелевская Н.А. Об идейных источниках рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1963. Вып. 2. № 8. С. 137–140.

References

- Barsht, K.A. (2018). 'The Brothers Karamazov' by F.M. Dostoevsky: non-euclidean geometry and the question of overcoming an evil. *Voprosy Filosofii = Questions of Philosophy*, (5), 134–144. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0042874418050102> EDN: XNFMNL
- Barsht, K.A. (2024). The Voltaire chair. About the source and subtextsof F.M. Dostoevsky's story "The Dream of a Funny Man". *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(1), 77–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2024-7-1-77-106>
- Ganin, M.V. (2024). The image of F.M. Dostoevsky in the work of Velimir Khlebnikov: "universal harmony" and the limits of "Euclidean mind". *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 68(1–2), 73–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.1556/060.2023.00121>
- Gubaylovsky, V.A. (2007). Dostoevsky's geometry: theses for research. In T.A. Kasatkina (Ed.), *Fyodor Dostoevsky's Novel 'The Brothers Karamazov': Contemporary State of Research* (pp. 39–79). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Dostoevsky, F.M. (1972–1990). *Complete Collected Works* (Vol. 1–30). Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)

- Ermoshin, F.A. (2009). “Let them not laugh at me in advance...”: The author as a “ridiculous man” in Dostoevsky’s diary of a writer. *Lomonosov Philology Journal*, (5), 136–141. (In Russ.)
- Kasatkina, T. (2019). “The Dream of a Ridiculous Man”: personality as the instrument of transfiguration of the world. *Dostoevsky and World Culture*, (2), 16–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-2-16-44>
- Khmelevskaya, N.A. (1963). On the ideological sources of Dostoevsky’s The Dream of a Ridiculous Man. *Vestnik of Leningrad University, Series History, Language, Literature*, 2(8), 137–140. (In Russ.)
- Kiyko, E.I. (1985). Dostoevsky’s perception of non-Euclidean geometry. In Dostoevsky. Materials and Studies (Vol. 6, pp. 120–128). Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Komarovitch, V.L. (1924). Dostoevsky’s universal harmony. In B.L. Modzalevskii, Yu.G. Oksman, P.N. Sakulin (Eds.), *Atenei: A Historical and Literary Timepiece* (Vol. 1–2, pp. 112–142). Leningrad: Atenei Publ. (In Russ.)
- Strakhov, N.N. (2007). *The World as a Whole*. Moscow: Airis-Press; Airis-Didaktika Publ. (In Russ.)
- Vizgin, V.P. (2007). *The Idea of Plurality of Worlds: Essays in History* (V.I. Rozhansky, Ed.; 2nd ed.). Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ганин Максим Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Российская Федерация, 428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38. ORCID: 0000-0001-9050-6715; SPIN-код: 1908-0660. E-mail: isaaa@ya.ru

Bio note:

Maksim V. Ganin, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of National and General History, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, 38 K. Marksa St, Cheboksary, 428000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9050-6715; SPIN-code: 1908-0660. E-mail: isaaa@ya.ru